

го и Е. Исаевой находят себя в духовном пространстве театра, органично вписываясь в сказочный мир «зазеркалья», в игровую систему координат, в которой «<...> уравниваются в своих правах иллюзия и реальность, смысл иллюзорный и смысл подлинный, ложь и истина» [7; 294]. Оппозиция «истина — ложь», таким образом, утрачивает свое первоначальное значение и меняет смысл на противоположный.

В инфернальной комедии Елены Исаевой в мир являются три демонические женщины: Юдифь, Фанни Каплан и Шарлотта Корде. Их задача — спасти мужчину от смерти и вернуться уже не в черно-белое, а в цветное пространство небытия. Но тени великих грешниц посещают вовсе не реальный мир, а страну «зазеркалья», где убийство — лишь фрагмент спектакля, импровизированный акт возмездия, а актеры — на первый взгляд обычные люди — на самом деле существа из мира иллюзий, в котором все иначе, нежели в действительности: изображение искажено, левое становится правым, черное — белым, зло — добром, ненависть — любовью. Театр — вселенная, существующая по своим, отличным от общепринятых, законам. Мир театра, в сущности, инфернальное пространство, другое измерение, а значит, в театральном «зазеркалье» возможны любые игровые сюжеты и реальны любые перевоплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Островский А.Н. Таланты и поклонники // Островский А.Н. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Пьесы 1873-1883. М., 1987. С. 355-420.
2. Крохина Н.П. Женская стихия в пьесах А.Н. Островского // А.Н. Островский в движении времени. В 2 т. Т. 2. Шуя, 2003. С. 36-44.
3. Шалимова Н.А. Человек в художественном мире А.Н. Островского. Учебное пособие. Ярославль, 2007. 272 с.
4. Коростылева Н.Н. Женщина и мужчина: от конфликта к согласию. (Исследование гендерного конфликтогенеза). М., 2005. 240 с.
5. Исаева Е. Убей меня, любимая! // Исаева Е. Абрикосовый рай: Пьесы. М., 2004. С. 114-164.
6. Забалуев В., Зензинов А. Театр Елены Исаевой // Исаева Е. Абрикосовый рай: Пьесы. М., 2004. С. 7-22.
7. Рюмина М.Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М., 2003. 320 с.

*Ирина Александровна БЕРЕНДЕЕВА —
ассистент кафедры литературы
Тобольского государственного педагогического
института им. Д.И. Менделеева,
аспирант кафедры русской литературы
Тюменского государственного университета
russlit@utmn.ru*

УДК 82.09

ПИСЬМА А. БЛОКА: НА ГРАНИЦЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В данной статье объектом внимания являются письма А. Блока, которые рассматриваются в контексте жизненных обстоятельств, теоретических установок и художественного творчества поэта.

Summary. The author considers the letters of Alexander Block, examining them within the scope of his life's events, poetic preferences and creative approaches.

Ключевые слова. Блок, письмо, символизм.

Key words. Block, the letter, symbolism.

Для большинства читателей А. Блок — крупнейший поэт-символист, поэтому неудивительно, что и внимание исследователей приковано в первую очередь к его поэтическим произведениям. Менее изученным до сих пор остается эпистолярное наследие поэта, которое, однако, на наш взгляд, так органично вписывается в единый текст всего творческого наследия, что позволяет рассматривать письма Блока как факт литературы и, более того, факт, тяготеющий к художественной практике поэта.

Как правило, эпистолярные тексты привлекаются исследователями в качестве дополнительного — документального — источника в процессе описания творческой эволюции знаменитого человека, описаний эпохи и т. п. В этом случае письмо рассматривается как бытовой документ или некий культурный текст, принадлежащий не художественной, а исторической, документальной, мемуарной — «промежуточной» [1; 56] литературе.

Такой подход обусловлен самой спецификой письма — нести информативную функцию — и вполне очевиден, поскольку в эпистолярном наследии любого художника имеются подобные бытовые письма. Так, немногочисленные письма Блока к отцу, А.Л. Блоку, представляют собой своеобразный отчет о «делах»: тематика их сводится к сообщениям об университетской жизни (содержание учебных курсов, сдача экзаменов и т. п.), поздравлениям, просьбам о финансовой помощи и благодарности; таковы, например, и написанные в официальном, уважительном тоне письма Блока к издателям и литераторам. Среди писем Блока к матери, А.А. Кублицкой-Пиоттух, также много писем, которые пестрят подробностями бытового характера и обыденной жизни (о погоде, обустройстве квартиры и т. д.).

Однако писем чисто бытового характера у Блока чрезвычайно мало; в основном, бытовые «мелочи» перемежаются с сообщениями о «литературных» делах и интересах: он сообщает, где и что читал, как идет работа над тем или иным стихотворением, пьесой, статьей, в какие издания приглашают сотрудничать, что предлагают для перевода; рассказывает о своих встречах с литераторами, издателями, о гонорарах; при этом всегда поэт интересуется самочувствием адресата и обязательно рассказывает о себе, своих мыслях, чувствах и настроениях. В таких случаях грань между письмом как бытовым документом и фактом литературы становится зыбкой и трудно уловимой. По этому поводу исследователь Н. Степанов пишет: «Благодаря перетасовке интимных, домашних сообщений с литературными новостями, критическими отзывами, весь характер письма олитературивается, мелочи быта создают ощущение писательской личности» [2; 69]. В этом случае, по мнению ученого, можно говорить, с одной стороны, о «литературности» писем, с другой — об их практическом назначении. Историко-литературное значение таких писем неоспоримо: они являются важнейшим автобиографическим документом, «биографическим первоисточником», который «вскрывает сразу несколько пластов: исторический, психологический, творческий», способствуя «углублению филологической основы историко-литературных процессов» [3; 21, 145]; они раскрывают «творчес-

кую лабораторию», в которой зарождаются особенности стиля, художественной манеры писателей и поэтов, проливая «неожиданный свет не только на биографию писателя, но и самое творчество» [4; 272].

Письма А. Блока 1898–1903 гг. стали ярким отражением идейно-эстетической жизни эпохи символизма, ее интереснейшим литературным документом. Следует отметить, что активизация жанра письма наблюдается именно в эпохи формирования литературных течений, претендующих на ведущую роль не только в литературной, но и в общественной жизни. Тогда и складывается концепция личности художника-творца не только искусства, но и жизни. В связи с этим в литературе возрастает доля адресованных жанров, непосредственно апеллирующих к сознанию и эмоциям читателя. Так, письма А. Блока к А. Белому, З. Гиппиус, В. Брюсову, С. Соловьеву, Е. Иванову и др. стали фактом «профессиональных» отношений: в письмах отражались моменты не столько личных, сколько групповых литературных связей и взаимооценок; в процессе диалога с собеседником осмысливались важнейшие философско-эстетические проблемы символизма и искусства в целом. Письма, таким образом, явились неким соединительным звеном, пограничной зоной между теоретическими суждениями символистов, их творческими установками и жизненным общением.

Символизм стал той культурой, которая возродила эпистолярную практику и довела ее до определенного совершенства; во многом это было обусловлено самой эстетикой символизма, ориентированной на представления о теургической миссии искусства. Для Блока как символиста было характерно рассматривать «литературное» поведение и поведение поэта в жизни как идентичные понятия, в этом случае грань между искусством и жизнью стиралась: реальный поступок трактовался как факт искусства, а «художественное» поведение — как часть личной биографии. На этот момент обращает внимание в своем исследовании и Л. Кихней: «Если романтиками прошлого века искусство воспринималось все-таки отстраненно: они не отождествляли его с реальным бытом, то для символистов оно было неотделимым бытовым элементом и стало естественной формой и творческого, и жизненного общения» [5; 69]. Предполагалось, что поэт должен выстраивать свое жизненное поведение в соответствии с требуемыми эстетикой символизма нормами и принципами; в этом случае жизнь и биография поэта представляла собой своеобразную «художественную практику» — практику жизнестроения и жизнетворения — жизнетворчество.

Наиболее красноречивым подтверждением такой жизнетворческой позиции Блока выступают его письма, раскрывающие взаимосвязанность жизненной практики и поэтического творчества, процесс личностного самовоплощения. Письма символистов — это своего рода вмещающие подробности реальной судьбы «тексты жизни», но наделенные чертами художественного текста: в собственной биографии символисты видят сюжет, героев, завязку и развязку. Именно концепция мира как «искусствоподобного» текста объясняет происхождение символистской идеи «жизнетворчества» [6; 140]. Обыденная жизнь в символизме лишалась своей обыденности и приобретала характер высшей реальности, иными словами, жизнь становилась текстом: по словам В. Ходасевича, символисты «пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные <...> никогда не переживались, как *только и просто* жизненные; они тотчас становились частью творчества» [7; 80]. Говоря о символистах, В. Ходасевич подчеркивает, что «они не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной», желали «найти сплав жизни и творчества» [8; 179]. Право на существование художественному тексту в куль-

туре символизма дает реальность вызвавших его настроений и переживаний, поэтому главенствующим принципом выступает точно выверенный автобиографизм: «Текст тем более оправдан, чем непосредственнее он следует «жизненно-му» первоисточнику» [9; 156]. Данные теоретические заключения приобретают принципиальное значение в исследовании эпистолярных текстов А. Блока.

При всем разнообразии их тематического диапазона, общим знаменателем, отличительной особенностью, общей «метатемой» является личность самого адресанта, самого художника в его взаимосвязях с искусством и жизнью. Письмам поэта присущи высокая степень субъективности и акцент на самовыражении, свобода в выражении чувств, эмоций в момент создания письма: автор как порождающий субъект во всех своих проявлениях является здесь главной эстетической ценностью, его имя, образ, личность и биография — все, что составляет стиль жизни, получают особую семиотическую нагрузку. Письма в таком смысле менее всего являются документом истории или биографии поэта, поскольку в самом акте коммуникации когнитивная функция письма не является определяющей. Письма подобного рода призваны, скорее, передать состояние души пишущего, перевести акт коммуникации на метафизический (или даже метаязыковой) уровень, что, по сути, и является разновидностью писательского творчества.

В связи с этим особое значение и приобретает изучение, помимо литературного и поэтического творчества поэта, также и историко-культурного и биографического контекста. Поэтому вполне оправданно с этой целью привлекать всю совокупность произведений Блока, не обходя пристальным вниманием его документальную и эпистолярную прозу, мастером которой, по собственному замечанию, был поэт. Так, например, именно в контексте биографии рассматривается поэтическая мифология А. Блока А. Якобсоном, который использует с этой целью параллельные пласты документальных материалов, статей, писем, понимая, насколько важны для мифотворчества реальные события и переживания [10; 67]. Д.Е. Максимов в своем осмыслении феномена Блока и его творчества также выходит на биографию: личность поэта и обстоятельства его жизни рассматриваются им в их связи с творчеством, как «поэзия и проникающая в нее из жизни биография» [11; 40]. Такой подход исследователей обусловлен тем, что реально переживаемое «здесь и сейчас» приобретает у Блока качество значительности, а мифологический, «вечный» образ от взаимодействия с реальностью, с конкретным фактом земной жизни, как бы нисходит на землю, обретает плоть и кровь, становится современным» [12; 71]. В этом отношении особенно показательны письма А. Блока к Л.Д. Менделеевой 1901-1903 гг.

Именно при изучении этого эпистолярного комплекса наиболее очевидны выходы к проблемам небюграфического характера, к проблемам поэтики самого Блока. Письма 1901-1903 гг., рассматриваемые в русле литературоведческого анализа, демонстрируют пограничный характер письма, выступая в качестве таких текстов, где нехудожественная форма письма предельно сближается с художественной (на уровне поэтики, сюжетики и т. д.). Не случайно, что сам Блок хотел некоторые из писем включить в книгу «Стихов о Прекрасной Даме». На наш взгляд, письма указанного периода представляют собой не простой разрозненный набор рассказанных поэтом фактов и сведений, а целостный текст, имеющий сюжет, развертывающийся во времени и пространстве, и набор устойчивых мотивов и образов. Субъектную сферу данного эпистолярного комплекса определяют два главных героя: местоимением «он» определяется образ самого адресанта, «Она» — образ адресата.

Сюжет писем Блока к Л.Д. Менделеевой 1901-1903 гг. сводится к рассказу о любви двух героев, о пути героя к встрече с Ней. Путь героя делится на несколько этапов, в соответствии с которыми письма распадаются, на наш взгляд, на три

части — три «главы», первая из которых является объектом внимания в данной статье. Своеобразным вступлением к ней служат два письма (от 29 ноября 1901 г. и 17 января 1902 г.), которые, на первый взгляд, всего лишь определяют пространство встреч на бытовом, житейском уровне, однако для нас они знаковы в том смысле, что содержат выход на первое событие в эпистолярной истории — предстоящую встречу, обрастающую здесь деталями, поэтика которых далека от простой констатации места и времени, но представляет собой некую поэтическую формулу встречи.

Письма от 29 января, 5, 6 и 7 февраля, 29 августа, 16 и 18 сентября и 31 октября 1902 г. представляют собой первую часть эпистолярного сюжета, первую главу в истории развития отношений двух любящих. Все эти письма, за исключением письма от 18 сентября (которое напоминает записку), так и не были посланы по назначению. Однако, они были для Блока чрезвычайно важны; об этом свидетельствует тот факт, что поэт их сохранил: часть из них он записал в своих дневниковых тетрадах, у части других подклеил в дневник черновики (наличие которых также свидетельствует об их важности).

В центре данной эпистолярной главы — двойственный образ адресанта: с одной стороны, он — «ничтожный», «кающийся», «умоляющий» о прощении, «тоскующий», живущий в «этой» (земной) жизни; с другой — он обладает «мистическим восприятием», познал «довременную гармонию самого себя», «ощущает» «Дух» [13; 40-41].

Главным в данных письмах становится традиционный для поэтов Серебряного века мотив пути: путь героя вызван «отсутствием единения» между возлюбленными в «этой» жизни и направлен к жизни «той», в которой возможно «окончательное единение» — цель всей жизни, ради достижения которой он готов «оторваться» от «этой» жизни [13; 40]. Необходимость следовать предназначенному пути обусловлена и тем, что герой должен донести некую тайну, хранителем которой он является: «Я же должен передать Вам ту тайну, которой владею, пленительную, но ужасную, совсем непонятную людям» [13; 47].

Движение героя к возлюбленной на данном этапе взаимоотношений осуществляется по вертикали: это не прямая дорога, а долгий и трудный путь-восхождение к высшей цели, восхождение его к Ней — Той, в которой сосредоточено божественное начало («и Вы — мой Бог»). Этот путь полон препятствий, трудностей, поражений, причины которых в письмах также становятся предметом рефлексии, находя выражение в следующих формулах: «Вы слишком против сближений», «невозможно изобрести форму, подходящую под этот весьма сложный случай отношений», трудности «во внешней обстановке» [13; 52].

С формальной стороны все письма А. Блока, составляющие «первую главу», являются по своему характеру инициативными (в противовес ответным), то есть написанными без какого-либо встречного коммуникативного стимула со стороны адресата. Это доказывается отсутствием так называемой «настройки» письма адресанта на тематику встречного письма-стимула, которая проявляется в наличии ответов на вопросы адресата или в развитии той тематики, о которой писал адресат, или в высокой степени лексико-тематической общности между ответным письмом и письмом-стимулом. Поэтому неудивительно, что часть писем, будучи неотправленной адресату, все же не нарушает цельности сюжета, не служит помехой для написания последующих писем: любое инициативное сообщение начинает новый виток эпистолярного общения, точнее, открывает возможность такого витка.

С точки зрения особенностей внутренней структуры, большинство блоковских писем этого периода являются подчеркнута монологичными (в противовес диалогичным), поскольку адресат (Она) предстает лишь как молчаливый восприимчивый сообщаемого, ее высказывания не цитируются и не упоминаются, к ней нет вопросов, предполагающих ответ. Ее голос даже опосредованно не слышен

ни в одном из писем; возникает ощущение, что эти письма поэт пишет, скорее, для себя: он словно ведет с собой диалог.

В прямой связи с инициативностью и монологичностью писем этого периода находится и почти полная субъективированность их тематики, достигающая некоторой степени эгоцентричности: в центре всех писем Блока к Менделеевой находится образ самого адресанта, его чувства, переживания и заботы. Герой занимает активную позицию в стремлении к единению с Ней: он назначает встречи, он определяет цели и смысл не только своей, но даже Ее жизни, настойчиво убеждает Ее в своей правоте.

При сравнении Ее образ оказывается более статичным: ни в одном из писем даже косвенно не проговорена мысль о совершении Ею каких-либо поступков, — пока Она остается безучастна. Образ возлюбленной лишь намечен при помощи сравнений, поэтических метафор и, чаще всего, через описание того влияния, которое Она оказывает на него («смерть по одному Вашему слову», «испытываю Ваше милосердие», «Вы властны относительно меня вполне», «Вы — мой Бог», «Вы — спасенье и последнее утверждение» и т. д. [13; 39, 40]). В конечном итоге Она становится «земным воплощением пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности» [13; 52]. В связи с этим вполне оправданно в эпистолярный поэт входит антитеза «неба» и «земли». С представлениями о двойственности бытия связана и иерархия двух главных героев писем Блока: герой постоянно находится ниже своей ожидаемой возлюбленной, поскольку принадлежит «этой» — «земной», «простой» — жизни, живет среди «этих» людей. Продолжая убеждать свою возлюбленную в том, что они связаны «таинственной и мало постижимой связью», адресант проговаривает устойчивые формулы, характеризующие отношения героев на данном этапе («ибо нет моей большей близости внутренней к Вашим помыслам» [13; 48], «я стремлюсь давно уже как-нибудь приблизиться к Вам», «я хочу сближений — хоть на какой-нибудь почве» [13; 52] и др.), финальными среди которых становятся «что-то определено нам с вами судьбой» [13; 45] и «внутренняя близость при величайшей отдаленности во вне» [13; 48].

В последующих письмах конца 1902–1903 гг. эпистолярный сюжет получит свое дальнейшее развитие как и система устойчивых мотивов и образов.

Эпистолярный А. Блока, таким образом, ярко иллюстрируют взаимообусловленность «художественного» и «биографического» в деятельности и личности поэта. Кроме того, символизм с его стиранием границ между искусством и культурой, повсеместным жизнетворчеством стал особым пространством, системой условий для того, чтобы письмо настолько вышло за пределы быта, что явилось эстетическим событием, вошло в сферу литературы в качестве полноправного участника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. М., 1987.
2. Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX века // Степанов Н. Поэты и прозаики. М., 1966.
3. Бельчиков Н.Ф. Литературное источниковедение. М., 1983.
4. Комарович В.А. Литературное наследие Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1818–1933 гг. // Литературное наследие. Вып. 15. М., 1934.
5. Кихней Л.Г. Из истории жанров русской лирики. Стихотворное послание начала XX века. Владивосток, 1989.
6. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Мат-лы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974.
7. Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // Серебряный век. Мемуары. М., 1990.
8. Ходасевич В. Некрополь // Серебряный век: Мемуары. М., 1990.
9. Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978.

10. Якобсон А. Конец трагедии. Нью-Йорк, 1973.
11. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981.
12. Приходько Биографическое в мифопоэтике «Соловьиного сада» А. Блока. Прага, 1989.
13. Блок А. Письма к жене // Литературное наследство. М., 1978. Т. 89.

Светлана Юрьевна СИНИЦЫНА —
аспирант кафедры русской литературы
Тюменского государственного университета
russlit@utmn.ru

УДК 821.161.1.09

СТИЛЕВЫЕ ИСКАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ АНТОНА КУНГУРЦЕВА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия языковых и литературных клише и творческой индивидуальности в поэтическом тексте. Этот вопрос рассматривается на материале творчества малоизвестного тюменского поэта Антона Кунгурцева.

Summary. The author considers the interaction of linguistic and poetic clichés in the verses of Anton Kungurtzev, Tyumen provincial poet.

Ключевые слова. Антон Кунгурцев, тюменский поэт, творческая индивидуальность.

Key words. Anton Kungurtzev, Tyumen author, poet's individuality.

Писатель или поэт, приступая к созданию нового произведения, творит не на пустом месте. Он оперирует уже существующими средствами языка, при этом оказываясь под влиянием определенной художественной традиции. По этому поводу М.Ю. Лотман говорит, что «сама неповторяемость текста оказывается индивидуальным, только ему присущим способом пересечения многочисленных повторяемостей» [1]. То есть любой новый образ — это новая комбинация уже существующих в данной культуре представлений, символов и т. д. Нас интересует, как языковая традиция¹ и творческая индивидуальность взаимодействуют между собой в пространстве текстов конкретного автора — тюменского поэта 1920-х гг. Антона Кунгурцева². Поскольку все провинциальное (а Тюмень, по мнению большинства исследователей, в культурном плане является именно провинцией) априори считается вторичным, сделанным по образцу чего-либо, то проявление традиции или использование штампов в тексте рассматривается как доказательство некоей подражательности. А.К. Жолковский, цитируя Г. Блума, говорит: «Всякий оригинальный талант испытывает “страх влияния” — консервативное давление литературной традиции, в которой все места уже заняты классиками, и его подсознательный бунт против почитаемых отцов принимает форму невольного искажения их наследия» [2]. Оче-

¹ Применительно к языку, говоря о традиции, нами имеются в виду стилевые каноны, стандартные эпитеты и прочие средства выражения поэтического образа, которые, будучи повторенными множество раз, утратили эту самую образность.

² Антон Герасимович Кунгурцев (1901-1930) — тюменский поэт, председатель Тюменской ассоциации пролетарских писателей. В 1930 г. был репрессирован и расстрелян по ложному обвинению.